

УДК 811.112.2 : 811.161.1'36'37 : 398.9

Модальные значения паремий

Н.И. ЕФРЕМОВА

Статья посвящена модальным значениям немецких и русских пословиц и поговорок. В паремиях зафиксированы разнообразные способы выражения объективной модальности. Характерной для паремий является транспозиция временных глагольных форм.

Ключевые слова: пословица, поговорка, модальность, изъявительное наклонение, сослагательное наклонение, повелительное наклонение, транспозиция.

The article is devoted to the problem of modal meanings of German und Russian proverbs and sayings. In paremias there are fixed various ways of expression of objective modality. The peculiarity of paremias is the transposition of the tense verbal forms.

Keywords: proverb, saying, modality, indicative mood, subjunctive mood, imperative mood, transposition.

1 Паремии как особый тип народных изречений

Слово *паремия* (от греч. *παροιμία* – притча) в церковнославянской книжности обозначало 'Избранные места для чтения из Ветхого завета' [10, с. 206]. В более позднее время это слово в значении 'иносказание' стало употребляться в филологической литературе для обозначения «малых» фольклорных жанров – пословиц, поговорок, загадок, примет, шуточных диалогов и т. д. Г.Л. Пермяков относит к паремиям «народные изречения, выраженные предложениями (например, пословицы, поговорки, приметы), а также короткими цепочками предложений, представляющими элементарную сценку или простейший диалог (например, побасенки, одномоментные анекдоты, загадки)» [5, с. 247]. В последнее время наметились тенденции к более узкому пониманию данного термина. «Главными объектами паремиологических исследований, – отмечает Т.М. Николаева, – обычно являются пословицы и загадки. Они часто рассматриваются совместно как некий целостный паремийный объект» [4, с. 311].

Употребление термина *паремия* в качестве обобщенного обозначения пословиц и поговорок является более поздней, однако, на данном этапе паремиологических исследований ведущей тенденцией. Связано это с тем, что пословицы и поговорки составляют основную часть всего паремиологического фонда. В данной работе мы придерживаемся узкой трактовки термина *паремия* и используем его в качестве синонима для обозначения пословиц и поговорок.

2 Прагматическая установка в ряду других функций паремий

При актуализации пословиц и поговорок в речи происходит реализация ими ряда функций, т. е. целей, ради которых пословицы и поговорки употребляются в определенных ситуациях. Семантические особенности паремий накладывают свой отпечаток на их функциональные способности: пословичные тексты являются полифункциональными.

Одной из ведущих функций паремий Г.Л. Пермяков считает **моделирующую**. «Коль скоро пословицы (а также афоризмы, присловья и поговорки) – знаки каких-то жизненных или мыслимых ситуаций, – отмечает автор, – то сами эти ситуации относятся ко всем изречениям, их обозначающим, как инварианты к своим вариантам» [6, с. 18].

Благодаря механизмам пословичной образности, а также другим лексико-грамматическим средствам универсализации значения пословицы и поговорки типизируют жизненные явления, выполняя **обобщающую** функцию. Одна и та же паремия может быть применима к разным ситуациям, соотносимым с ее значением.

Наличие в паремиях ритма, рифмы, синтаксического параллелизма позволяет констатировать в них элементы поэтической формы, что особенно характерно для немецких по-

словicc. Многие пословицы и поговорки используются с целью украшения речи, что свидетельствует о реализации ими **орнаментарной** функции.

Паремии выполняют также ряд установок по отношению к обществу, определяя систему ценностей и норм данного социума. Это позволяет говорить о реализации ими **социальной** функции. «В пословичном фонде определенной социальной группы в очевидной и доступной форме представлены ее традиционные ценности, эталоны нравов и нравственности. В нем отражены опыт поколений и авторитет старых, зарекомендовавших себя истин» [12, с. 20].

Основным назначением паремий, по мнению А.А. Крикманна, является прагматическое воздействие. «[...] Пословицы суть по своему назначению, прежде всего, не чисто гносеологические, а прагматические орудия» [1, с. 240]. Паремии употребляются в разных жизненных ситуациях, чтобы доказать или опровергнуть какое-либо суждение, приказать или предсказать и т. д. В соотношении с прагматикой автор выделяет три основные функции паремий: **утверждающую** (или информативную), **оценочную** и **прескриптивную** (или предписывающую).

Прагматическая установка паремий реализуется посредством ряда языковых средств, одним из которых является модальность – «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [2, с. 303]. Многоаспектность паремий и их полифункциональность предполагает наличие у них широкого спектра модальных значений и оттенков. Предметом исследования в данной работе являются значения объективной модальности, свойственные немецким и русским паремиям.

3 Немнимость пословичных высказываний

Показателем объективной модальности в паремиях, как и в любых других высказываниях, является глагольная категория наклонения, реализуемая противопоставлением форм изъявительного, сослагательного и повелительного наклонения. Как показал анализ, основная часть пословиц и поговорок имеет форму изъявительного наклонения. Основное назначение изъявительного наклонения – определить событие как реальное, соответствующее действительности. С помощью изъявительного наклонения в пословицах и поговорках констатируются реальные связи, хотя понятие «реальность» в данном случае является относительным. Существует ряд устойчивых выражений, которые асемантичны либо алогичны в своем буквальном прочтении, например, *Семь верст до небес и все лесом, Пошла изба по горнице, а сени по палатам*. В реальности других, на первый взгляд, немнимых пословичных ситуаций можно усомниться: *Aus anderer Leute Haut ist gut Riemen schneiden* ‘Из кожи других людей хорошо резать ремни’. Однако в большинстве пословиц и поговорок связи мыслятся как достоверные и отражают реальное положение вещей.

Семантика паремий, имеющих форму изъявительного наклонения, достаточно разнообразна. В пословицах и поговорках определяются качества и свойства вещей (*Пуганая ворона куста боится, Die schwarze Kuh gibt auch weiße Milch* ‘Черная корова также дает белое молоко’); устанавливаются отношения между предметами, явлениями (*Ты на гору, а черт за ногу, Ehre geht vor Reichtum* ‘Честь идет впереди богатства’); противопоставляются явления (*Деньги много могут, а правда царствует, Friede ernährt, Unfriede verzehrt* ‘Согласие кормит, раздор поглощает’). Кроме того, пословицы могут содержать указание на способ (*Einen Bären schlägt man nicht mit einem Strohalm* ‘Медведя бьют не соломинкой’); условие (*Если пахать плугом, земля станет лугом*); время совершения действия (*Цыплят по осени считают*) и др.

Самой распространенной временной формой русских паремий является семантическая разновидность настоящего времени – настоящее абстрактное: *И за морем горох не под печью сеют, Торг потеху любит*. Признаком такого настоящего является нефиксированность действия во времени. Действие не прикреплено к какому-то одному определенному отрезку настоящего, к моменту речи. Большинство немецких паремий имеют форму генерального

(обобщающего) презенса: *Der dümmste Bauer hat die größten Kartoffeln* ‘У самого глупого крестьянина самая большая картошка’, *Geduld überwindet alles* ‘Терпенье все преодолеет’. Нетипичными для пословиц являются формы прошедшего времени: *Без меня меня женили, Unsere Vorfahren waren auch keine Narren* ‘Наши предки тоже не были дураками’.

Прогностическая функция паремий реализуется посредством форм будущего времени: *Оттерпимся, и мы людьми будем*. Специфичным как для русского, так и немецкого языка является использование форм будущего времени изъявительного наклонения для выражения предположения, допущения. Граница между мнимостью и гипотетичностью суждений в данном случае размыта, и нельзя однозначно сказать, какое из модальных значений доминирует в паремиях: значение достоверности или гипотетичности: *Взойдет солнце и перед нашими воротами, Unser Weizen wird auch mal blühen* ‘И наша пшеница однажды зацветет’. В пользу гипотетичности русской пословицы свидетельствует особый порядок слов. Потенциальность действия в немецкой паремии поддерживается частицей *auch* ‘также’, содержащей модальный оттенок уверенности.

4 Гипотетичность пословичных суждений

С помощью сослагательного наклонения в паремиях чаще всего выражается потенциальность действия, возможность его осуществления не исключена. Как правило, такие пословицы и поговорки имеют форму сложного предложения, между частями которого существуют условно-следственные отношения. Причем, в немецких паремиях и условие, и следствие могут быть нереальными: *Wenn die Dummheit weh täte, würde er den ganzen Tag schreien* ‘Если бы глупость причиняла боль, он бы кричал целый день’. Как видно из примера, потенциальное значение в немецких пословицах и поговорках передается формами претеритального конъюнктива: чаще претеритом и формой кондиционалиса I, обозначающими нереальное действие в настоящем времени. Случаи употребления плюсквамперфекта конъюнктива являются единичными, поскольку данная модально-временная форма обозначает нереальное действие, которое могло быть осуществимо в прошлом, что не соотносимо с вневременной семантикой паремий (Ср.: *Ich hätte mich auch gern gewärmt, konnte aber nicht zum Ofen kommen* ‘Я бы тоже охотно согрелся, но не смог подойти к печке’).

В русских пословицах и поговорках формы сослагательного наклонения находятся в дистрибуции с формами изъявительного наклонения: *Была бы шея, а хомут найдется, Был бы ум, будет и рубль, Ужин не нужен, был бы обед*. В одной части выражений содержится нереальное условие, в другой части – реальное следствие. Сочетание форм сослагательного наклонения и форм будущего времени изъявительного наклонения позволяет квалифицировать потенциальные связи в русских паремиях как легко осуществимые. В немецких пословицах и поговорках, кроме условно-следственных отношений, зафиксированы и уступительно-ограничительные: *Jedem ist sein Liebchen schön, wäre's auch ohne Zähne* ‘Каждому хороша его любимая, даже если бы она была без зубов’, *Und saß er auch auf goldenem Stuhl, der Frosch hüpfte wieder in den Pfuhl* ‘И даже если бы лягушка сидела на золотом стуле, она все равно прыгнет в лужу’. На уступительный характер пословичных выражений в обоих случаях указывает частица *auch*, имеющая в данном контексте значение ограничения.

С помощью сослагательного наклонения в пословицах и поговорках может реализоваться семантика побудительности. Сдвиг модального значения в русских паремиях не сопровождается изменением формы: *Ерема, Ерема, сидел бы ты дома, точил бы свои веретена*. Одна и та же конструкция (глагол в прошедшем времени и частица *бы*) служит показателем как гипотетичности действия, так и его прескрептивности. Транспозиция сослагательного наклонения на уровень повелительного позволяет выразить дополнительные смысловые оттенки, в данном случае подчеркивает ироничное отношение к производителю предполагаемого действия.

В немецких паремиях побудительную функцию выполняет семантическая разновидность презенса конъюнктива, так называемый оптативный или волюнтативный конъюнктив, который обозначает желаемое действие, не имевшее место в действительности, но мыслимое как исполнимое. Как правило, в пословицах и поговорках оптативный презенс

встречается в анафорических предложениях с местоименно-относительной связью: *Wer Eile hat, der gehe langsam* 'Кто спешит, пусть идет медленно', *Wer Gäste ladet, der gehe vorher hübsch auf den Fleischmarkt* 'Кто приглашает гостей, пусть соизволит сначала пойти на мясной рынок'. Частица *hübsch* выступает в усилительном значении, увеличивая степень категоричности действия.

Более редкими являются случаи употребления в паремиях презенса конъюнктива в своем основном значении – передаче косвенной речи: *Es ist keine Eule, sie schwört, sie habe die schönsten Jungen* 'Это не сова, которая клянется, что ее птенцы самые хорошие'. Значимость презенса конъюнктива в косвенной речи состоит, по мнению О.М. Москальской, в том, «что он характеризует косвенную речь как особую манеру подачи, особый способ представления действительности и противопоставляет ее прямой речи. В то время как прямая речь является действительным либо недействительным высказыванием об определенных событиях и процессах, предмет сообщения в косвенной речи – не сами события и процессы, а высказывания третьего лица [...] об определенных событиях и о мыслях и чувствах, которые вызваны этими событиями» [3, с. 116]. Действительно, в приведенной выше поговорке не просто передаются чужие слова, но и содержится негативная оценка действия: его осуждение.

Довольно редко в немецких паремиях наблюдается употребление презенса конъюнктива в уступительном значении, например, *Frauen und Jungfrauen soll man loben, es sei wahr oder erlogen* 'Женщин и незамужних девушек нужно хвалить, будь-то правда или ложь', *Man lädt den Esel nicht zu Hof, denn dass er Säcke trage* 'Осла приглашают ко двору, разве только для того, чтобы он таскал мешки'. Последняя паремия имеет показатель субъективной модальности – частицу *denn* со значением предположения, усиливающей гипотетичность действия.

5 Прескрептивный характер паремийной семантики

Пословицы в форме повелительного наклонения содержат побуждение к действию. Основное назначение пословиц-побудительных предложений – «определить факторы, при которых (не) следует производить какое-то действие: объект, время, условие действия, качество объекта и др. [9, с. 67]; например, *Всякий Еремей про себя разумей, Lehre nicht die Fische schwimmen und die Tauben fliegen* 'Не учи рыб плавать, а голубей летать'. В отдельных пословицах устанавливается последовательность действий (*He sуйся пятница поперед среды, Ешь пироги, а хлеб вперед береги, Erst mach dein Sach, dann lach* 'Сначала сделай свое дело, потом смейся'). Степень категоричности побуждения при этом достаточно разная. Это может быть совет (*Wein auf Bier rat' ich dir, Bier auf Wein, das laß sein* 'Вино на пиво – я тебе советую, пиво на вино – не делай этого'); пожелание (*He променяй сапоги на лапти*); просьба («*Mach' mich nicht rußig*», *sagte die Pfanne zum Kessel* '«Не копти меня» – сказала сковородка котлу'); приказ (*Metu перед своим крыльцом*), запрет (*He тычь носа в чужое просо*).

Назидательная семантика проявляется и в паремиях, согласующих формы побудительного наклонения с формами изъявительного наклонения. Семантические отношения между частями паремий характеризуются разнообразными связями. Такие пословицы содержат указание на условие (*Живи просто, проживешь лет со сто, Kauf' in der Zeit, so hast du in der Not* 'Купи вовремя, будешь иметь во время нужды'), причину (*He смейся чужой беде, своя на гряде*); временную последовательность действий (*Gehe selbst nie zum Fürst, ehe du gerufen wirst* 'Не иди никогда сам к князю, пока тебя не позовут', следствие *Ehrt eure Kinder, sie ehren euch wieder* 'Уважайте своих детей, они тоже будут вас уважать'. Отношения между частями паремий могут носить сопоставительно-противительный характер: *Рад не рад, а годовору: милости просим, Behüte mich Gott vor meinen Freunden, mit den Feinden will ich schon fertig werden* 'Убереги меня, Господи, от моих друзей, с врагами я, наверняка, справлюсь сам'. Модальная частица *schon* со значением 'наверняка, обязательно' передает в данном контексте высокую степень уверенности в осуществлении действия.

В некоторых случаях прескрептивная семантика паремий затмевается другими смысловыми оттенками. Так, пословицы *Толкуй больной с подлекарем, Ищи ветра в поле, Мели, Емеля, твоя неделя* в большей степени иронически обозначают производителя действия, нежели выражают побудительность. В некоторых пословицах мы наблюдаем транспозицию форм повелительного наклонения на уровень изъявительного: *Наряди пень, и пень будет хо-*

рош, Люби пар, люби и угар, Дай душе волю, захочет и боле. В первой части пословичных суждений содержится реальное условие, выраженное формами повелительного наклонения. Такая пословичная конструкция достаточно широко представлена в паремиях и имеет синонимичную модель, в которой условная семантика передается формами изъявительного наклонения: *Любишь тепло, люби и дым терпеть.*

Самой распространенной формой выражения прескрептивности действия как в русских, так и в немецких паремиях является форма 2-го лица единственного числа: *He sуйся, пятница, поперед среды, Не хвались, едучи на рать, Hüte dich vor Sorgen, so schläfst du ohne Sorgen* 'Остерегайся займы, будешь спать без забот', *Mit den Ohren such dir eine Frau, nicht mit den Augen* 'Ищи себе жену ушами, а не глазами'. Именно способность к обобщенной номинации лиц способствовала закреплению этой формы в синтаксической организации пословиц и поговорок. Как отмечал А.М. Пешковский, «обобщительный оттенок здесь наиболее ярок, так как повелительное наклонение уже по самой природе своей (многоличность) как бы создано для выражения этого оттенка» [7, с. 374]. Иногда в пословицко-побудительных предложениях встречаются глагольные формы 2-го лица множественного числа: *Fragt den Wirt, ob er den guten Wein hat* 'Спросите у хозяина, хорошее ли у него вино', *Zeigt mir den Wirt, ich Zeige euch den Gast* 'Покажите мне хозяина, я покажу вам гостя'.

Проведенный анализ показал, что в русских и немецких паремиях зафиксированы разнообразные способы выражения объективной модальности. Установлено, что основная часть русских и немецких пословиц и поговорок имеет форму изъявительного наклонения, что, казалось бы, противоречит назидательному смыслу паремий. Однако отличительной особенностью многих пословичных суждений является их семантическая двуплановость. Немаркированные, на первый взгляд, с точки зрения прескрептивности паремии содержат данное модальное значение имплицитно. Его экспликация происходит при извлечении из паремии переносного значения. Так, пословица *Выше головы не прыгнешь* имеет словарное толкование 'Нельзя сделать что-л., превышающее собственные возможности кого-л. (материальные, физические, психические); нужно реально смотреть на вещи' [8, с. 80]. А немецкая паремия *Glück und Glas, wie leicht bricht das* 'Счастье и стекло, как легко это бьется' толкуется как 'На длительность счастья нельзя полагаться' [11, с. 266]. В обоих случаях побуждение к действию либо его запрет осуществляется на уровне переносного значения не с помощью средств объективной модальности, а посредством возможностей субъективной модальности.

Довольно часто в пословичных суждениях формы разных наклонений выступают в дистрибуции друг с другом: реальность действий сочетается с их гипотетичностью либо прескрептивностью. Глагольные формы характеризуются непривязанностью к определенному моменту речи. Характерным для паремий является транспозиция форм одного наклонения на уровень другого, что позволяет более полно выразить модально-смысловые оттенки паремий.

Литература

1. Крикманн, А.А. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы / А.А. Крикманн // Пармиологический сборник: Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). – М. : Наука, 1978. – С. 82–104.
2. Ляпон, М.В. Модальность / М.В. Ляпон // Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 303–304.
3. Москальская, О.И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка / О.И. Москальская. Изд. 2-е, доп. – М. : Высшая школа, 1975. – 368 с.
4. Николаева, Т.М. Обобщенное, конкретное и неопределенное в паремии / Т.М. Николаева // Малые формы фольклора: Сборник статей памяти Г.Л. Пермякова. – М. : Восточная лит. РАН, 1995. – С. 311–324.
5. Пермяков, Г.Л. К вопросу о структуре пармиологического фонда / Г.Л. Пермяков // Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В.Я. Проппа (1895–1970) /

Сост. Е.М. Мелетинский и С.Ю. Неклюдов. – М. : Наука, 1975. – С. 247–274.

6. Пермяков, Г.Л. Грамматика пословичной мудрости (вступительная статья) / Г.Л. Пермяков // Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. – М. : Наука, 1979. – С. 7–60.

7. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 512 с.

8. Словарь русских пословиц / Под ред. В.М. Мокиенко. – М. : Астрель: АСТ, 2007. – 381 с.

9. Тур, В.И. Попытка логико-грамматической классификации немецких пословиц и анализ употребления в них артиклей / В.И. Тур // Проблемы лексикологии и грамматики (Материалы симпозиума «Аналитические конструкции в лексике»). Вып. III. – Минск, 1967. – С. 50–75.

10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. В 4-х томах. Т. 3. Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. – 3-е изд. стереотипное. – СПб. : Азбука: Изд. центр «Терра», 1996. – 831 с.

11. Der Duden in 12 Bänden. Das Standardwerk zur deutschen Sprache. Bd. 11: Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1992. – 863 s.

12. Hain, M. Das Sprichwort / M. Hain // Ergebnisse der Sprichwörterforschung. Herausgegeben von W. Mieder. – Bern : Peter Lang, 1978. – S. 13–25.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 05.05.10

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ имени